

Ю.Д. АРТАМОНОВА, А.Л. ДЕМЧУК*

ВЗАИМОСВЯЗЬ ОЗНАЧАЮЩЕГО И ОЗНАЧАЕМОГО ПОЛИТИЧЕСКИХ ЗНАКОВ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Аннотация. Тезис о том, что означаемое не существует само по себе, а конструируется в определенных сообществах, которые, в свою очередь, предполагают определенный характер производства и циркуляции знаков, утвердился в исследовательской практике XX–XXI вв. не сразу. В статье прослеживается его становление и развитие от исследований Торонтской школы через различные варианты истории повседневности и истории техники до медиологии, акторно-сетевой теории и иных современных стратегий.

Параллельно показывается проблематизация положения о незначимости означаемого в семиотике и других стратегиях исследования текстов (прежде всего в герменевтике и постструктурализме). Обращение к истокам европейской культуры (и в первую очередь к анализу имени Платоном) позволяет заострить проблему не столько означаемого, сколько связи имен; значимости не только «эйдоса» (идеи вещи), но и «усии» (способа организации мира).

Показываются стратегии и сложности реализации этого проекта в современных подходах учета означаемого – прежде всего проектов мемкомплексов В. Патцельта, идеи «кода» У. Эко, а также проекта «секуляризации политического» Б. Латура, показавшего, что означаемое «политическое» в современном мире на самом деле предполагает пять разных сетей воспроизводства и, соответствен-

* **Артамонова Юлия Дмитриевна**, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и теории политики, МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия), e-mail: juliaartamonova@yahoo.com ; **Демчук Артур Леонович**, доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой сравнительной политологии, МГУ им. М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник, Институт США и Канады им. академика Г.А. Арбатова Российской академии наук (ИСКРАН) (Москва, Россия), e-mail: arthur@leadnet.ru

но, пять разных смыслов и связанных с этими смыслами практик. Обсуждается, что каждый раз исторически размерная взаимосвязь производства / циркуляции знаков, языкового кода и сообщества, пользующегося знаками, требует концептуализации уже в динамической модели производства знака (что означает одновременное освоение и знака, и логики конструирования значащего мира); показываются возможные общие моменты и проблемы построения такой модели.

Ключевые слова: означающее; означаемое; производство знака; медиология; эйдос; усия; акторно-сетевая теория; проект «секуляризации политического»; мемплекс; код.

Для цитирования: Артамонова Ю.Д., Демчук А.Л. Взаимосвязь означающего и означаемого политических знаков: проблемы и перспективы исследований // Политическая наука. – 2023. – № 3. – С. 60–80. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.03.03>

К началу XX в. знаковая реальность становится неизбежной и не сводимой ни к вещам, ни к «системе природы», ее математизированному порядку. Не случайно К.О. Апель, обосновывая тезис о том, что современной философией является как раз трансцендентальная семиотика, подчеркивает, что важнейшим для ее формирования был следующий шаг Ч. Пирса: «Он поставил на место *непознаваемой вещи-в-себе* “реальность” в той мере, в какой это понятие идентично “познаваемому в долгосрочной перспективе”, но в то же время никогда не может быть познано “как таковое” или в своей цельности. Таким образом, хотя “реальное” для Пирса и было независимо от *фактического* познания через ограниченный субъект познания – индивидуум или партикулярную общность, – тем не менее, оно не являлось независимым от *знаковой интерпретации вообще*» [Апель, 2001, с. 79].

Важно, однако, и второе предположение – мы придем к «совпадению» в означаемом. Сам тезис о примате означаемого очень четко показывает двойственность, свойственную семиотике: говоря о конструкторе мира, она тем не менее настаивает на том, что, несмотря на разницу конструирования, мы будем иметь дело с одними и теми же означаемыми, все конструкторы неизбежно будут сходиться в одной точке. Более того, роль самого конструктора – просто транслировать смысл, не влияя на него. Еще Августин приводил метафору лодки, когда говорил о передаче смысла от души к душе: воспользовавшись лодкой, мы вовсе не меняемся. Восходящее к Августину представление о незначимости означающего воспроизводится в семиотике вплоть до начала XX в. Сосредоточиться на означаемом в противоположность означающему предлагает и

Ф. де Соссюр. Он настаивает на том, что изучать следует систему означаемых, вторая сторона знака (означающее) вариативна и не столь принципиальна, а связь между означающим и означаемым не мотивирована и условна, конвенциональна [Соссюр, 1999, с. 120].

«Чувствительные» к этой конструктивности исследования (в русле, с одной стороны, герменевтики, постструктурализма, а с другой – науки, имеющие дело с социальным контекстом – политология в том числе) неизбежно сталкиваются с ограниченностью такого понимания знакового конструкта.

В политических исследованиях проблематика взаимовлияния означающего и означаемого обсуждается Торонтской школой, затем в медиологии Дебре и в рамках проблематики политического символа, наследуется акторно-ризоматической теорией, теориями политического кода, теорией мемплексов. В сфере политического одними из первых обсуждают представители Торонтской школы. М. Маклюэн, в частности, заметит: «Цель “Галактики Гутенберга” – проследить, каким образом сначала фонетический алфавит, а затем книгопечатание изменили формы опыта, мировоззрения и самовыражения. Предпринятое М. Парри исследование устной и письменной поэзии как диаметрально противоположных друг другу форм в нашем случае получает свое продолжение применительно к формам мышления и организации опыта в обществе и политике» [Маклюэн, 2015, с. 18].

Однако сам характер связи, строго говоря, проблематизирован не был. Маклюэн, например, будет рассуждать о том, что книгопечатание заставит научиться (по образцу типографской книги) располагать все линейно, разделяя на элементы и четко выстраивая связи между ними; это приводит к торжеству духа рационализма и порождает «раскол между умом и сердцем» [Маклюэн, 2015, с. 225–258]; более того, именно печать сделает «нацию однородной, а государство – централизованным» [Маклюэн, 2015, с. 360]. Можно возразить, что идея «разделения на элементы» с таким же успехом может быть объяснена другими причинами – например, развитием анатомических штудий или других технологий (строительства высоких зданий – ведь палаццо Флоренции для того времени были небоскребами) и т.д. – все это будет равнообоснованным. Совсем несложно путем ассоциаций показать и обратное: печать ведет как раз к индивидуализации – например, поскольку книга становится доступной, появляется возможность

формировать библиотеку по своему вкусу. Обоснования тезисов у Маклюэна мы не найдем – скорее, речь идет о красивой игре ассоциаций.

Последователи М. Маклюэна в исследованиях медиа (и прежде всего немецкая школа медиатизации – В. Шульц, Д. Маззолени, Ф. Кротц и др.) будут говорить о том, что можно и нужно выделять устойчивые базовые формы в духе Г. Зиммеля и ими уже объяснять происходящее форматирование – это и будет гарантировать научность и объективность. Однако Г. Зиммель четко выделяет три типа форм, обосновывает это выделение и пытается описывать определенным набором и взаимодействием форм исторический поток; М. Маклюэн же говорит о сложной форме (книгопечатание, например), во-первых, как о базовой, и во-вторых, всякий раз особым образом связанной с каждой из других одновременных ей. К тому же, в-третьих, эти одновременные формы (организация науки, стиль живописи и т.д.) у него тоже не являются композицией более простых. При этом, в-четвертых, сам характер связи выводится из усмотренного параллелизма двух форм, причем не всегда последовательно.

Однако важно именно заострение вопроса – понятно, что не только считываемые «смыслы», но и медиум значим и для стиля мышления, и для типов организации, и тем самым – для политической сферы; исследования Торонтской школы сделали одной из центральных исследовательскую проблему – означающее знаков вкупе с их производством и функционированием не менее важно, чем их означаемое; более того, оно отчасти определяет это означаемое.

Параллельно тезис о том, что «организация знаков» не случайна, характер связи между ними влияет на наше мышление, разрабатывается в герменевтике и структурализме. Причем аргументы о такой взаимосвязи означающего и означаемого можно объединить в следующие группы.

1. Существуют тексты, где разрыв звучания (или написания) и значения невозможен – это прежде всего поэтические тексты (которые, как замечает Х.Г. Гадамер, остается только выучить наизусть); разговоры близких людей (лепет матери и ребенка, влюбленных и т.д.); перформатив как скрытый механизм языка – в его рамках, как показывает Ж. Деррида, мы наблюдаем совпадение «создания» мира и констатации этого создания; довольно большое

число текстов являются скрытыми перформативами – как, например, Декларация независимости Америки.

2. Как только мы говорим о понимании, мы вынуждены ввести тезис «текст не есть, текст думает» (Х.Г. Гадамер); «означивание» становится основной процедурой понимания знаков (Ю. Кристева определит его как «ростки того, что станет значением в наличном состоянии сознания»). При «потреблении» знака речь идет о неизбежном сотворчестве; принципиальным будет вопрос о тех комплексных алгоритмах, которые порождали бы сходные смыслы. Заметим, что сами постструктуралисты к этому «совпадению» отнесутся скептически, вводя в качестве центральной модель «ризомы» (буквально – клубневой корневой системы), где связи и появившийся смысл можно объяснить лишь апостериори и ситуативно.

Вернемся к социально-политическим исследованиям. Следующий шаг делают, с одной стороны, школы микроистории, культурной истории, истории повседневности – именованная исследовательского подхода различалось по странам – мы привели последовательно итальянское, американское, немецкое именование исследовательского подхода (К. Гинзбург, Р. Дарнтон и др.); с другой – круг авторов журнала *Technology and Culture* в США, журнала *Culture technique* во Франции (Ж. Симондон, Б. Жиль, Ж. Перрио и др.).

Р. Дарнтон, например, исследуя процессы делигитимации королевской власти во Франции накануне Французской революции, заметит, что исходя из представлений о современных СМИ мы не всегда сможем объяснить происходящее: во времена Людовика XVI печатной продукции мало, она недешева, процесс печати медлен, быстрых способов ее распространения нет, как и нет грамотного массового читателя – и тем не менее сплетни двора очень быстро достигают удаленных уголков страны и многих слоев населения (в том числе неграмотных и т.д.), играя важнейшую роль в делигитимации королевской власти. Действительно, говоря о коммуникации, мы автоматически думаем о сложившейся к XIX в. модели массовых коммуникаций, которая предполагает в первую очередь вербальную организацию сообщения, а также централизованный источник распространения информации и «информационную пассивность» получателей этой информации – ведь последняя доходит до них в неизменном виде (она напечатана, т.е.

зафиксирована, причем массовым тиражом). Получатели в такой модели ее просто «воспринимают», а если и трансформируют, то единообразно для определенной группы; не случайно У. Эко отмечает, что мы говорим именно о массовой коммуникации, предполагая существующими следующие условия: «1) общество индустриального типа, внешне достаточно сбалансированное, но на деле насыщенное различиями и контрастами; 2) каналы коммуникации, обеспечивающие ее получение не какими-то определенными группами, но неопределенным кругом адресатов, занимающих разное общественное положение; 3) группы производителей, производящих и вырабатывающих сообщения как в промышленности» [Эко, 2004, с. 520–521].

Само по себе представление нами коммуникации в соответствии с современными практиками уже не случайно и интересно. Однако вернемся к рассуждениям Р. Дарнтон. Он обратит внимание на другой характер коммуникации: «Мы легко можем представить себе “старый режим” как простой, тихий, свободный от СМИ “мир-который-мы-потеряли”: общество без телефонов, телевизоров, электронной почты, Интернета – общество покоя. Но это был вовсе не простой мир. Он просто был другим. В этом мире существовала своя коммуникационная сеть, состоящая из средств информации и техник (жанров), которые сегодня забыты – забыты настолько, что даже их названия уже неизвестны и не могут быть точно переведены с французского языка: *mauvais propos*, *bruit public*, *on-dit*, *pasquinade*, *pont-neuf*, *canard*, *feuille volante*, *factum*, *libelle*, *chronique scandaleuse*¹. Существовало множество способов коммуникации, и они пересекались и взаимодействовали настолько интенсивно, что мы с большим трудом можем представить себе их функционирование» [Darnton, 2000]. Выделяя, например, фазы распространения новостей, он обратит внимание на то, что сплетня

¹ Дарнтон делает пояснение с этими терминами дальше: «– первая фаза: сначала новость – это *mauvais propos* – “внутренняя сплетня двора”; – вторая фаза: новость превращается в *bruit public* – “общеизвестные слухи”, а в нашем тексте используется такое сильное выражение, как “общественное мнение”; – третья фаза: новость становится *nouvelles à la main*, или “черновиком (рукописью) новостей листов”, которые имеют хождение в провинции, например листок госпожи Дубле; – четвертая фаза: новость напечатана в *libelle*, или в “памфлете”, “пасквиле”, в данном случае – в бестселлере, который издавался множество раз и читался повсеместно» [Darnton, 2000].

двора сначала попадает в среду фрондирующего дворянства, где она, с одной стороны, фиксируется в письмах и рукописных листках и журналах, с другой – превращается в легко воспроизводимые стишок или песенку; эти последние путешествуют по Франции со скоростью всадника (вспомним фрагмент известного советского фильма о мушкетерах, где воспроизводится песенка «Кардинал пил бульон с госпожой д’Эгильон» – именно о таких стишках и песенках и идет речь). Эту циркуляцию знаков нельзя сбрасывать со счетов, если мы хотим объяснить влияние смыслов. И, что не менее важно, сама по себе циркуляция информации невозможна без сообществ, которые «организованно» потребляют эту информацию – тех самых трактиров и т.д., где эти песенки пелись, повторялись, обсуждались. Р. Дебре справедливо замечает, что внимание исследователей было перенесено «со сцены на режиссуру. Или с хранилища знаков на машины порождения смысла... Эпоха Просвещения под этим углом зрения – не совокупность политических понятий, не порядок новых оснований, который можно пройти до конца посредством дискурсивного анализа; это переворот в логистической сети изготовления / складирования / циркуляции знаков» [Дебре, 2009, с. 269–270].

В этой связи важен аспект, подчеркиваемый исследователями культуры и техники в США и Франции; сошлемся на интересное исследование М. Сикар о кино [Sicard, 1994]. Она отметит, что само по себе изобретение «анимированных движущихся картинок», т.е. быстрое прокручивание фотоизображений на целлулоидной пленке – это еще не кино. Если бы оно осталось таковым, оно бы было новой формой старых ярмарочных увеселений (как раньше приходили посмотреть на выступления театра, так бы сейчас собирались пару раз в год поглазеть на анимированные изображения). В распространении кино важным оказались еще два фактора. Первый – технический: создание механизма прокручивания пленки открывало новые возможности и способствовало созданию культуры кинолюбителей. Второй же фактор – отношение католической церкви к кино: она увидела в нем новое эффективное средство пропаганды; она не пропустила это явление, как в свое время не пропустила опыты барокко. Первые журналы о кино были католическими, первыми кинокритиками выступили католические священники, создавались клубы для просмотра. Без этих лидеров и созданных клубов кино вряд ли бы стало самым массовым

из искусств. Речь идет об образуемых (и нередко далеко не спонтанно) сообществах, которые «соразмерны» этим медиа. И, с другой стороны, развиваясь, визуализация культуры меняет наше мировосприятие. Рассуждая о взаимосвязи визуализации коммуникации и политического поведения, Р. Дебре отметит: «С одной стороны, нас называют “цивилизацией образа”, говорят: “в среднем четыре часа в день мы проводим перед телевизором”, “молодежь не читает, она клюет корм”. С другой стороны, – и каждый может в этом убедиться – говорят, что “люди сегодня прагматичны; они позитивны, но консервативны; они не интересуются общими идеями, больше не ставят под вопрос общество; мыслят они лишь в настоящем времени и о самих себе. Помимо индивидов ничего нет”. “Я не какой-то там “зеленый”, я – это я”» [Дебре, 2009, с. 253–254]. Но эти черты политической идентификации и политического поведения просто воспроизводят характеристики образа, отличающие их от вербальных знаков. Действительно, во-первых, «образ может продемонстрировать лишь индивидов... На малый экран никогда не выйдут ни аудиовизуальное, ни капитал, ни буржуазия, ни равенство или братство, но выйдут такой-то русский, вот этот человек, этот предприниматель или вот этот рабочий... Во-вторых, образ... игнорирует субординацию, причинно-следственные отношения и отношения противоречия... Образная мысль... имеет мозаичную форму... В-третьих, можно быть лишь современником образа. Нельзя ни опережать его, ни запаздывать» [Дебре, 2009, с. 255]. Параллели функционирования образа и стилистики мышления лежат на поверхности; они, разумеется, работают и в политической сфере.

Понятие «медиум» подразумевает как минимум собственно материальный носитель (и логику его производства, и технологии этого производства, и способы его передачи в буквальном смысле слова) и языковой код, понятный группе, которая его использует, а также собственно это использование (специфичность сообщества, потребляющего эти знаки, и т.д.). Что-либо из этих необходимых условий мы всегда упускаем, поскольку, как иронично заметит Р. Дебре, «Н2 О не является открытием, сделанным рыбой. Кроме тех случаев, может быть, когда рыба оказывается на песке» [Дебре, 2009, с. 86].

Вспоминая метафору Августина, мы вынуждены констатировать, что смыслы оказываются «чувствительными» к той лодке,

которая их перевозит. Однако теперь эта лодка увеличена до масштабов если не вселенной, то человеческой культуры, во-первых. И здесь не очень понятно, как учитывать все эти факторы. Есть ли логика во взаимодействии или оно каждый раз специфично? Также не совсем понятно, насколько зависимы или независимы составляющие этого медиума – очевидно, что в каждую эпоху их соотношение различно. Непонятно, как оценивать и «удельный вес» каждого из факторов, и «затребованность» каждого из них в настоящий момент.

Из примеров Р. Дебре следует «историческая размерность» и факторов, и их взаимодействия: конкретная историческая комбинация этих факторов и степень влияния каждого из них взаимосвязаны; в разных эпохах разные факторы выступают на первый план, все обладают разной значимостью в разных исторических комбинациях этих факторов. Теория медиологии выделяет важные моменты, на которые надо обратить внимание при описании знака и общества (и это ее безусловная заслуга), – но, строго говоря, даже оценить «задействованность» и степень влияния фактора сложно; предсказать возможные коммуникационные и политические трансформации на основе этой теории невозможно.

Во-вторых, специфичность функционирования знака в зависимости от медиума такова, что мы не наблюдаем «свободных комбинаций» различных форм – визуальный образ, к примеру, будет связываться с сетевой моделью распространения информации и очень влиятельными организациями, обеспечивающими циркулирование этого знака (это не легко формирующиеся сообщества книголюбителей – в старые времена речь шла о церквях, государстве, «предоставляющих» ту самую визуальную информацию за счет зданий, обрядов и ритуалов, и т.д.; в настоящее время «капитализм платформ», например, стал очевидной темой в связи с той же визуализацией культуры).

Здесь необходимо вернуться назад и обратить внимание на важный момент в истории исследования знаков – Августин будет говорить о связи вещей, которая постигается благодаря знакам, но не о связи идей – она нам недоступна. Знаки действуют как стимулы, активизируя идеи, которые уже есть в нашей душе. Показав, что человеческие знаки созданы по образцу божественных, он подчеркнет их несовершенный характер и «нестрогость» связей – и благополучно справится с «проблемой Цельса», показав, что,

хотя знаки и не совсем случайны, понять до конца Богооткровение благодаря знакам невозможно. Концепция знака, если смотреть шире, нуждается в этом источнике системности, ведь связь хотя бы двух «копий копии» может быть неслучайной, когда существует упорядоченность мира и она каким-либо образом нам доступна. Неслучайно, обсуждая концепцию имени, Платон вводит наряду с понятием «εἶδος» (эйдос, мы передаем его как идею вещи) понятие «οὐσία» (усия, сущность). Если мы обратимся к диалогу Платона «Кратил», где центральной как раз является проблема имени, то сразу увидим, что имя относилось не к идее вещи – такое отождествление порождало ряд серьезных проблем. В частности, если исходить из того, что «то, сущность (эйдос) чего одна – одно», то невозможно объяснить разницу предмета (оформленного сущностью) и имени (тоже оформленного сущностью) – имя «стол» отличается от предмета «стол» не так, как отличаются друг от друга разные столы. Имена происходят и не от вещей – иначе они были бы копиями копий (вещи – воплощение эйдоса), и рассуждать и учить с их помощью было бы невозможно. Концепция же софистов: имена – лишь имена, и к сути вещей они никакого отношения не имеют, они просто звучат и уходят, поэтому словами можно доказать все (софисты любили доказывать правоту каждой из спорящих сторон в суде) – опровергалась простым и многих убеждавшим контраргументом: мы различаем разумные и глупые речи, причем все разумные люди в оценке разумности речей не расходятся – значит, отношение имени и вещи не так случайны, как представляют софисты. Вывод, к которому приходят собеседники, интересен: имя в рассуждении связано с вещью, но ведь мы не просто воспроизводим имена – мы их связываем; но эта связь «санкционирована» устройством мира (усией, бытием, в последующих переводах также «сущностью»). Это устройство мира (усия, бытие, сущность) оформляет вещи (дает воплотиться эйдосу особым образом) и их связь, в том числе разумную речь: «мы учим друг друга и распределяем вещи соответственно способу их существования» [Платон, 1990, 619]. Не случайно неоплатоники, популяризируя это учение, говорили о демиурге, который, создавая вещи, одновременно выкликивал их имена. Ведь разумная речь, как связанность имен («А давать имена – не входит ли это как часть в нашу речь?» [Платон, 1990, с. 618]), воспроизводит суть, устройство мира, да и природу вещей (обратим внимание, что

Платон в данном диалоге не употребляет «вещи» в этом словосочетании в единственном числе (например, в варианте «природа вещи»); также часто речь идет о «сущности вещей», а не вещи [см., напр.: Платон, 1990, с. 616, Платон, 1990, с. 618 и далее]). Х.Г. Гадамер заметит: «Греческим термином, выражающим “сущность” является слово “οὐσία”, которое использовали Платон и Аристотель, и ... оно означает, собственно, имущество землевладельца, его усадьбу, земельный участок, короче говоря, все то, чем он располагает в своей жизни и в своей хозяйственной деятельности... “οὐσία” означает присутствие (die Anwesenheit) и содержит темпоральный смысл» [Гадамер, 1991, с. 63].

В связи с учением Платона В. Патцельт справедливо отмечает: «Если мы стремимся к всеобъемлющей науке о реальности, то это должно начинаться с систематического “чтения знаков” в мире явлений, но также это должно сочетать чисто семиотический анализ с уже врожденными упорядочивающими знаниями» [Патцельт, 2018, с. 185].

Проблема же в том, что, согласно Платону, эти знания тоже не являются в нас уже готовыми, они также проясняются для нас, как и сами имена. Поэтому метафора «строительного плана», вводимая автором, не совсем точна – повторим, речь идет скорее о проступании для нас зданий одновременно с прояснением плана строительства.

И именно этот момент будет камнем преткновения для большинства существующих стратегий вскрытия этого плана.

Первая стратегия – выявить самостоятельный «строительный план», обеспечивающий воспроизводство практик. В этом направлении движутся, например, У. Эко, последователи П. Бурдьё, В. Патцельт, российский исследователь М.В. Ильин и другие [см., напр.: Смысл в жизни ... , 2020].

В. Патцельт предложит идею «мемплекса». Рассуждая, например, об институтах, он отметит: «Институт – это некоторое социальное образование, как, например, армия или парламент, которое получило особую устойчивость, в том числе благодаря символическому выражению его организационных принципов и притязаний на значимость. Руководящая идея (идеи), вокруг которой возникает такое социальное образование, является мемом, или мемплексом. “Господство рабочего класса” было, например, руководящей идеей социалистических государств, а “объединение на-

рода вокруг бога” – руководящей идеей христианской церкви. Конечно, мемами являются и те правила, по которым в социальном образовании, репродуцирующемся таким способом, осуществляются определенные действия. Мемами являются также и привычно используемые институционально специфические способы мышления и выражения, и внешне проявляющиеся институционально специфичные образцы поведения. Таким образом, мемы, или мем-плексы – это такие “строительные планы”, на основе которых институты воспроизводятся и корректируются; эти планы передаются следующему поколению участников институтов и таким способом становятся на какое-то время “вечно установленными» [Патцельт, 2018, 195].

Ход, предлагаемый У. Эко, – выделять ключевые для данного «совпадения» в смыслах моменты. Причем они по определению не универсальны – нет Структуры с большой буквы, есть много маленьких структур. «Вот забавный и убедительный пример, приведенный Кенигом. Речь идет о домиках для сельской местности, поставляемых Касса дель Меццоджорно. Став владельцами современных домиков, снабженных ванной и туалетом, крестьяне, привыкшие отправлять естественные надобности на природе и не информированные по части того, что представляют собой и чему служат некие таинственные гигиенические сосуды, использовали сантехнику для мытья оливок; они клали оливки на специальную решетку и, спуская воду, их мыли. Конечно, всякий знает, что форма унитаза наилучшим образом соответствует той функции, которую он означает и делает осуществимой. И тем не менее форма означает функцию только на основе сложившейся системы ожиданий и навыков и, стало быть, на основе кода» [Эко, 2004, с. 214]. Эко фиксирует фактически «локальные» совпадения в практиках в понятии «код», отметив: «код – это модель, являющаяся результатом ряда условных упрощений, производимых ради того, чтобы обеспечить возможность передачи тех или иных сообщений. Код устанавливается тогда, когда участник коммуникации имеет в распоряжении набор известных символов, из которых он осуществляет выбор, комбинируя их согласно ему известным правилам» [Эко, 2004, с. 83–84].

Основная проблема же здесь в том, что мы не знаем строительных планов до прояснения того, какое это строение. Поиск будет двигаться именно в направлении показа механизмов

проступания плана строения вместе с прояснением того, что же это за строение.

Вторая стратегия – простое объяснение связей апостериори через схематизацию практик, как это делает АСТ. И проблема здесь заключается именно в апостериорности и ситуативности.

В рамках акторно-сетевой теории (АСТ, АСТ; впрочем, Б. Латур предложит называть ее актантно-ризоматической [Латур, 2014]) предполагается, что, строго говоря, независимой от интерпретации «фактичности» не существует – есть соответствующая организация нашего опыта, которая «создает» «вещи реального мира». Впрочем, о тех же вещах говорил и Р. Дарнтон: «В этой работе я предлагаю самый общий подход к проблеме того, как общества конструируют свое чувство событий и просеивают информацию сквозь это “сито”. Это и есть то, что можно назвать историей коммуникаций... Исследование коммуникации может дать немало для осознания обществом своего собственного опыта» [Дарнтон, 2009, с. 78].

Причем это «создание вещей» одновременно и социально (требует определенных практик с их соответствующей материальной составляющей), и нарративно (требует создания соответствующей этим практикам «объективной» картины мира). Б. Латур, рассуждая об идеях вакцинации Л. Пастера и лампочке Эдисона, отметит: «Сделать научное открытие – то же самое, что стать господином над сетью... Поначалу микробы и электричество мало что из себя представляли. Только после того, как они добавили себе достаточно атрибутов, чтобы заинтересовать всех и сделать лаборатории совершенно необходимыми для существования микробов и электричества, только после того, как они отчаянно сражались, чтобы выиграть в испытаниях по созданию причинности в мире, оказалось, что Пастер и Эдисон открыли что-то» [Latour, 1988, р. 261–262]. Следующим шагом будет организация мира в соответствии с этой «объективной картиной» – в случае Л. Пастера лабораторные практики (учет, контроль, идентичность условий, фиксированные процедуры и т.д.), без которых «невозможны» микробы как часть картины мира, станут также составными частями «обычной» жизни; ферма приблизится к лаборатории, когда коровы будут носить номера, будет вестись строгий учет корма, надоев, самочувствия и т.д.; другие пространства также будут воспроизводить эту логику – вспомним требования к регулярности

уборки жилища, понятия рационального питания и в принципе нормативность «общества дисциплины».

Позже Б. Латур сформулирует, что речь идет о сетях, где есть множество актантов – материальных и нематериальных, сплавляющихся воедино и воспроизводящих «так организованный» мир. Он отметит: «Озоновая дыра слишком социальна и слишком нарративна, чтобы быть по-настоящему естественной, стратегия компаний и глав государств слишком зависит от химических реакций, чтобы быть сведенными к власти и интересам, дискурс экосферы слишком реален и слишком социален, чтобы полностью раствориться в эффектах производства реальности. Является ли нашей ошибкой, если сети реальны так же, как и природа, рассказаны так же, как дискурс, коллективны так же, как общество?» [Латур, 2006, с. 65–66].

Поэтому необходимо обращать внимание не только на смыслы (= «объективную» картину мира), но и на «ассамбляжи» производства и поддержания этих смыслов, на практики, описываемые через взаимодействия материальных и нематериальных актантов.

И здесь Б. Латур и другие теоретики отметят важный момент – одновременное существование нескольких «ассамбляжей», которые мы не стараемся отличить друг от друга и которые все-таки различны. В принципе, наши дискуссии об определении любого понятия приоткрывают это «неединство». Например, понятие «политическое» тоже является смыслом определенной сети, имеющей материальных и нематериальных актантов; «политическое», аналогично микробам или электричеству, обретает смысл только в рамках определенной сети. Б. Латур провозгласит очередной коперниканский переворот, на сей раз в политологии, суть которого «заставить наконец политику вращаться вокруг тем, которые генерируют вокруг себя публику, а не пытаться определить политику *в отсутствие* предмета беспокойства как вопрос процедуры, полномочия, суверенитета, права и представительства» [Латур, 2012, с. 244].

Анализируя общественные дебаты вокруг обязательности скрининга крови матери для обнаружения возможных дефектов плода в Голландии, Б. Латур на этом примере выделит пять различных ассамбляжей «политического» в современном мире; не все они в равной степени действенны и не все сложились в разных странах, поэтому ряд этих смыслов уходит на задний план или от-

существует для определенных общностей. Нужно ли делать вопрос об обязательности скрининга вопросом публичной повестки или оставить частным вопросом каждого, нужно ли вводить обязательный для всех граждан скрининг и какова процедура принятия решения о скрининге для всей страны как обязательной для граждан процедуре (достаточно ли представительных органов власти или нужен референдум и т.д.) – эти три вопроса представляют три уже традиционных ассамблея политического.

Появились и новые вопросы, поднимаемые лишь отдельными людьми и группами, – значит, речь идет о формировании той самой сети, которая пока явно не охватывает всех и (или) только формируется (если бы она была, вопрос был бы понятен). Новые вопросы – почему государство должно непосредственно откликаться на технические новинки и доверять научным результатам (в этом случае – достоверности скрининга), чтобы делать их предметом государственного управления, и нужно ли обществу «политически» инкорпорировать технические новинки.

Поговорим сначала о «традиционных» вопросах и их сетях. Первый традиционный вопрос (о том, нужно ли делать вопрос о скрининге вопросом публичной повестки или оставить частным вопросом каждого) – вопрос о публице, общем мнении и т.д., исследованный прагматизмом и предполагающий возможность и значимость каждого прагматического мнения. Он предполагает идеи независимого индивида, его приспособленности к миру и, вследствие этого, возможности выживания за счет принятия «адекватных» решений; но он же и предполагает возможность самостоятельного существования и самостоятельного решения, требующую достаточно высокой стадии развития общества и его технической культуры – всего того, что обычно связывается с классическим капитализмом. Именно элементы и организация капиталистического производства являются важными составляющими этой сети, которая и представляет наши «очевидные» практики. Если этот вопрос считается нами очевидным, значит, такого рода сеть пока функционирует – именно вовлеченность в эту сеть делает нас «чувствительным» к такой постановке вопроса; если представить себе невовлеченного в эту сеть человека, для него сама идея обсуждения этого вопроса будет неочевидна.

Второй вопрос – зачем всем голландцам проходить скрининг – «вопрос уровня суверенитета», т.е. осознания себя единой и устро-

енной общностью. Этот ассамбляж, с точки зрения Б. Латура, исследовал, например, К. Шмитт; составляющими этой сети является представление о мире в целом (те самые тенденции глобализации) и идея взаимодействия государств как целостных субъектов, причем в основном в режиме «врагов»; технические возможности такого представления – существование деятельности (не обязательно военной) на мировом уровне (банальный пример – транснациональные корпорации и т.д.). Это позже сформировавшаяся сеть; однако тезис о сильной нации тоже относится к современным «очевидностям»; значит, эта сеть тоже действенна. Более того, наряду с мышлением и действиями в мировых масштабах мы наблюдаем запрос на сильное государство со стороны населения (см., напр.: [Krastev, 2022]).

Наконец, третий вопрос – какой должны быть процедура – относится к более поздним ассамбляжам, поскольку в рамках традиционной представительной демократии процедуры принятия решений большинством голосов являются «очевидными» (правила Робертса, сложившиеся к концу XIX в. и известные нам как процедуры обсуждения и принятия решений большинством голосов, проблематизируются во второй половине XX в. [Демчук, Саскайнд, Шамликашвили, 2009]). Само сомнение в нужности политического обсуждения вопроса, в правильности его формулировки говорит о пересмотре понятия «публика», «общественность», которое мы наблюдаем уже во второй половине XX в., в рамках «общества контроля», если использовать терминологию Ж. Делёза. Такой ассамбляж предполагает уже вариативность и производства, и образа жизни, возможности их достаточно быстрого изменения, а также вариативность «реальностей», в рамках которых живут люди – то самое постиндустриальное общество (или «общество знания») с его в том числе «локализованными» и «холистскими» производствами, в рамках которого мы сейчас живем, что и отражается в идеях перехода к «делиберативной демократии», «постдемократии» и т.д.

Дискуссии по двум новым вопросам – «доверия» техническим новинкам и реакции на них со стороны государства, а также общественной необходимости политически на них реагировать – приоткрывают два новых ассамбляжа. Сама постановка вопроса о превентивных действиях в отношении будущего ребенка показывает новое измерение тела и индивида, которого уже сложно рас-

смаатривать как «отдельное» и «независимое». В него не просто инкорпорируются достижения медицины – оно теперь функционирует в связи с ними и опорой на них (выживаемость современного общества в развитых странах без медицинской помощи и поддержки (банальнейший пример – без антибиотиков) – под угрозой). Б. Латур тонко подметит этот не единственный переход – от тела, уже не собственного, к обществу, уже биотехнологическому. Как классическая, «пастеровская» лаборатория перестроит мир, так и современная, биотехнологическая. Это новый симбиоз человека и техники; огромная дистанция между постиндустриальным обществом и обществом информационным, по мысли сторонников данной концепции, связана с тем, что коллективный разум – это не просто объединение разрозненных человеческих разумов и не искусственный интеллект, а «своеобразная информационная система, способная не только к накоплению и передаче информации, но к анализу и выводам... Коллективный Разум чем-то напоминает мозг, только в нем роль нейронов играют люди... И эта система, очевидно, обладает некоторыми свойствами, которые не выводимы из свойств индивидуальных разумов, подобно тому, как свойства разума человека не являются однозначным следствием тех нейронов, из которых состоит его мозг...» [Моисеев, 2004, с. 442]. Это сложнейший результат эволюции, которая в настоящее время идет стихийно. Понятно, что на этом пути сделаны лишь первые шаги; однако «вовлеченных» в эти практики (например, банально, в ситуации постоянного медицинского контроля и практик «поддержания» и «улучшения» организма) вопрос об инкорпорации технических новинок крайне актуален. Дело не только в том, что, например, относящийся к этому новому устройству жизни вопрос гендера стал обсуждаться тогда, когда биотехнологически можно осуществить, например, смену пола, но и в том, что всерьез к нему относятся люди, массово вовлеченные в биотехнологизацию жизни (и, наоборот, нелепым он кажется тем, чьи отношения с медициной «традиционны» и не отличаются от отношений общества классического модерна – поход к врачу, только когда заболел, и т.д.).

Но это означает, что новые «квазибиологические» и «квазисоциальные» ассоциации являются новым социальным субъектом со своей специфической организацией и логикой; и новые общности такого рода будут возникать вновь и вновь по мере развития

симбиоза человека и машины. В результате мы имеем ту самую множественность миров, о которой говорили теоретики постмодерна – именно в рамках ассамбляжа эпохи постмодерна и уместен вопрос о взаимодействии разных миров, не сводимых к единой основе. Поэтому Б. Латур отметит два новых значения слова «политический»: новые ассоциации и правительность, подчеркнутая прежде всего современным феминизмом и М. Фуко. Они являются ассамбляжами, каждый раз вновь собирающими себя сетями двух новых политических вещей – практик, касающихся симбиоза тела и техники и организовавшей здесь и сейчас новой коллективной общности. Материальными акторами этих ассамбляжей являются те самые био-, когно- и т.д. технологии и организация жизни в связи с ними.

Рассмотренные выше стратегии представляют продуктивные подходы к структурированию практики, которые позволяют выделить значимые именно в данной практике компоненты; представление этой практики позволяет уяснить не только означаемое, но и набор факторов, влияющих и на производство и логику знаков, и характер их взаимосвязи, и степень влияния; преодолевается раскол между означением и действием («озоновая дыра и “естественна”, и нарративна, и социальна»), создается та самая динамическая модель порождения знака. Это попытка увидеть логику актуального «объективного» взгляда на мир, те самые значения знаков, которые мы пытаемся адекватно считать. Остающаяся проблема – как раз динамичность этого порождения. Классическая концепция знака предполагает воспроизводство вещей, а не «ухватывания» логики их связи. Между тем античная концепция имени требует «синхронизации» с этой логикой связи вещей мира в целом («усии» в терминологии Платона).

Таким образом, постановка вопроса о взаимосвязи означющего и означаемого требует динамической модели – модели порождения смысла. Поэтому вопрос теперь стоит не просто об учете означющего – скорее, его следует формулировать как вопрос о моделях порождения смысла, которые позволяют объяснить «совпадения» в этих смыслах.

Yu.D. Artamonova, A.L. Demchuk*

**The relationship of the signifier and the signified of political signs:
problems and prospects of research**

Abstract. The thesis that the signified does not exist by itself, but is constructed in certain communities, which, in turn, assume a certain nature of sign production and circulation, was not immediately established in the research practice of the XX–XXI centuries. The article traces its formation and development from the studies of the Toronto School through various versions of the history of everyday life and the history of technology to mediology, actor-network theory and other modern strategies.

In parallel, the problematization of the position on the insignificance of the signified in semiotics and other strategies of text research (first of all, hermeneutics and poststructuralism) is shown. Turning to the origins of European culture (and, above all, to Plato's analysis of the name) allows us to sharpen the problem not so much of the signified as of the connection of names; the significance of not only «eidós» (the idea of a thing), but also «usia» (the way of organizing the world).

It shows the strategies and difficulties of implementing this project in modern approaches of taking into account the signified – first of all, the V. Patzel's projects of memocomplexes, U. Eco's idea of the “code”, as well as B. Latour's project of «secularization of the political», which showed that the signified «political» in the modern world actually involves five different reproduction networks and, accordingly, five different meanings and practices related to these meanings. It is discussed that each time the historically dimensional relationship of the production / circulation of signs, the language code and the community using signs requires conceptualization already in the dynamic model of sign production (which means simultaneous development of both the sign and the logic of constructing a meaningful world); possible common points and problems of constructing such a model are shown.

Keywords: signifier; signified; sign production; mediology; eidós; usia; actor-network theory; project of «secularization of the political»; memplex; code.

For citation: Artamonova Yu.D., Demchuk A.L. The relationship of the signifier and the signified of political signs: problems and prospects of research. *Political science (RU)*. 2023, N 3, P. 60–80. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.03.03>

References

Apel K.O. The concept of primary mutual responsibility as a prerequisite of planetary macroethics. In: *Philosophy without borders*. Moscow: Izdatel' Vorobyov A.V., 2001, P. 47–67. (In Russ.)

* **Artamonova Yulia**, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), e-mail: juliaartamonova@yahoo.com ; **Demchuk Artur**, Lomonosov Moscow State University; Institute of the USA and Canada named after Academician G.A. Arbatov of the Russian Academy of Sciences (ISKRAN), (Moscow, Russia), e-mail: arthur@leadnet.ru

- Darnton R. An early information society: news and the media in Eighteenth-Century Paris. *Moscow University Bulletin, Philosophy*. 2009, N 3, P. 77–92. (In Russ.)
- Darnton R.C. An early information society: news and the media in Eighteenth-Century Paris. *The American historical review*. 2000, Vol. 105, P. 1–35.
- Debray R. *Introduction to Mediology*. Moscow: Praxis, 2009, 368 p. (In Russ.)
- Demchuk A.L., Susskind L., Shamlikhailvili Ts. Management of difficult decisions in the 21 st century: Secrets of building consensus, or How to make everyone happy. *Moscow: Interregional Center for Management and Political Consulting*, 2009, 208 p. (In Russ.)
- Eco U. *Missing structure. Introduction to Semiology*. Saint Petersburg: Symposium, 2004, 544 p. (In Russ.)
- Krastev I. *Is It Tomorrow Yet? Paradoxes of the Pandemic*. New York: Penguin, 2022, 96 p.
- Latour B. Copernican revolution in political theory. *Sociology of power*. 2012, N 6–7, P. 235–254. (In Russ.)
- Latour B. *There was no Modern Times. Essays on symmetrical anthropology*. St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg, 2006, 240 p. (In Russ.)
- Latour B. *The reassembly of the social: an introduction to actor-network theory*. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2014, 384 p. (In Russ.)
- Latour B. *The pasteurization of France*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1988, 273 p.
- McLuhan M. *The Gutenberg Galaxy*. Moscow: Academic Project, 2015, 448 p. (In Russ.)
- Moiseev N.N. Information society: possibility and reality. In: *Information Society*. Moscow: AST, 2004, P. 428–451. (In Russ.)
- Patzelt V.J. Genes, memes and signs. *Method*. 2018, Vol. 8, P. 85–211. (In Russ.)
- Plato. Cratyl. In: *Writings*. Vol. 1, Moscow: “Mysl’”, 1990, P. 613–663. (In Russ.)
- Saussure F. de *Course of general linguistics*. Yekaterinburg: publishing house of USU, 1999, 432 p. (In Russ.)
- Sicard M. *L'Année 1895: l'Image Écartelée Entre Voir Et Savoir*. [France]: Synthélabo, 1994, 138 p.
- Zolyan S., Ilyin M., Śladkiewicz Ż., Tulchinskiy G. Meaning in life and meaning in the text (roundtable proceedings). *Slovo.ru: Baltic accent*. 2020, Vol. 11, N 1, P. 7–33. DOI: <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2020-1-1> (In Russ.)

Литература на русском языке

- Апель К.О. Понятие первичной взаимответственности как предпосылка планетарной макроэтики // *Философия без границ*. – М.: Издатель Воробьев А.В., 2001. – С. 47–67.
- Гадамер Х.Г. Хайдеггер и греки // *Логос*. – 1991. – Вып. 2. – С. 56–68.

- Дарнтон Р.* Раннее информационное общество: новости и СМИ в XVIII веке в Париже // Вестник Московского Университета. Серия Философия. – 2009. – № 3. – С. 77–92.
- Дебре Р.* Введение в медиологию. – М.: Праксис, 2009. – 368 с.
- Демчук А.Л., Сасскайнд Л., Шамликашвили Ц.* Менеджмент трудных решений в XXI веке: секреты построения консенсуса, или Как сделать так, чтобы довольны были все. – М: Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования, 2009. – 208 с.
- Латур Б.* Коперниковский переворот в политической теории // Социология власти. – 2012. – № 6–7. – С. 235–254.
- Латур Б.* Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии. – СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2006. – 240 с.
- Латур Б.* Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 384 с.
- Маклюэн М.* Галактика Гутенберга. – М.: Академический проект, 2015. – 448 с.
- Моисеев Н.Н.* Информационное общество: возможность и реальность // Информационное общество. – М.: АСТ, 2004. – С. 428–451.
- Патцельт В.Й.* Гены, мемы и знаки // Метод. – Вып. 8. – 2018. – С. 85–211.
- Платон.* Кратил // Соч. Т. 1. – М.: изд-во «Мысль», 1990. – С. 613–663.
- Смысл в жизни и смысл в тексте (материалы круглого стола) / С.Т. Золян, М.В. Ильин, Ж.Р. Сладкевич, Г.Л. Тульчинский // Слово. ру: балтийский акцент. – 2020. – Т. 11, № 1. – С. 7–33. – DOI: <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2020-1-1>*
- Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1999. – 432 с.
- Эко У.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию. – СПб.: Symposium, 2004. – 544 с.